

Род и предки Никифора Дмитриевича Зенина

Фролов Андрей Николаевич
краевед—историк, Воскресенск, 2015 г

По просьбе Вячеслава Николаевича Зенина, который, выйдя на пенсию, решил заняться историей своих предков, я несколько лет, время от времени, урывками, выписывал в московских архивах сведения о крестьянском роде, представители которого вначале звались Ильины, а позднее приняли фамилию Зенины. Из рода Зениных вышел известный старообрядческий начётчик, общественный деятель, писатель, издатель, фотограф и документалист Никифор Дмитриевич Зенин (1869-1922). В настоящее время творческое наследие Н.Д. Зенина, его статьи, книги и, конечно же, фотографии выходят из многолетнего забвения, вновь становятся объектом неподдельного интереса многих людей¹. Возможно, этим же людям будут интересны некоторые сведения об истории семьи и рода Никифора Дмитриевича. По ним мы можем судить, какова была среда, в которой он вырос и сформировался как личность².

Малой родиной Никифора Зенина стала деревня Гостилово Чаплыженской волости Бронницкого уезда Московской губернии (ныне Воскресенского района Московской области). Здесь его предки жили в течение многих поколений. До образования Бронницкого уезда (1782 год) сельцо Гостилово входило в состав Коломенского уезда. Располагалась деревня на обоих берегах небольшой речки Крупинки (в старину Крупина, иногда Крутина), которая впадала в Москву-реку. Ранняя история Гостилова уже скрыта от нас пеленой забвения и восстанавливается только весьма редким пунктиром. Селение возникло приблизительно в XIII веке и по имени первого поселенца или владельца – Гостило (уменьшительное от двухосновных славянских имён Гостимир, Гостислав) получило название Гостилово. К XIV столетию подобные дохристианские славянские имена в наших местах практически перестали употребляться, и отсюда мы можем предполагать, что рассматриваемое селение было основано не позднее XIII века. Гостиловское предание повествует, что в древние времена местность, где ныне расположена деревня, была изрезана глубокими оврагами и заросла густым труднопроходимым лесом. Один заблудившийся купец (гость на тогдашнем русском языке) долго

¹ Сайт <http://wnzenin.ru/>, посвященный Никифору Зенину, на сегодняшний день содержит подавляющее большинство его публикаций и довольно большое количество фотографий. Там же есть материалы о его соратниках. Этот сайт создал и наполнил Вячеслав Николаевич Зенин.

² Просмотрены далеко не все архивные документы, поэтому история рода получилась отрывочная. Много интересных моментов осталось за кадром. Но в целом картина прояснилась и в общих чертах нам известна.

плутал по оврагам и, наконец, уже отчаявшись выбраться из здешних дебрей, выехал к деревне, которую, якобы, по этому происшествию прозвали Гостилово. Здесь мы имеем дело с так называемой народной этимологией. В XIV столетии Гостилово уже существовало и до нас сохранилось глухое предание об участии гостилловцев в Куликовской битве. «Как победи Мамаю, наши предки были на том побоище», – рассказывают местные старожилы. Предание это имеет характер правдоподобия – ополченцы из сельских волостей Коломенской земли действительно участвовали в сражении с Мамаевой ордой в 1380 году, причем полк коломничей во главе с воеводой Микулой Вельяминовым, стоявший впереди, понёс серьёзные потери. Первоначально Гостилово входило в приход церкви Рождества Богородицы села Ратмирово и с тех пор гостилловским престольным праздником остается 8 сентября. Село Ратмирово, также одно из древнейших селений округа, в ту пору находилось еще на своём старом месте – в нынешнем урочище Церковичи (Церковище), в полутора километрах к юго-востоку от Гостилова. Опять же по преданию, деревянная ратмировская церковь провалилась однажды под землю, оставив на месте провала небольшое болото. После этого происшествия село Ратмирово перенесли на берег Москвы-реки, на его нынешнее место³. Позднее деревня Гостилово стала входить в приход церкви села Новлянского, но, в отличие от всех остальных селений новлянского прихода – Федино, Перебатино, Кривякино, Чемодурово и Трофимово, праздновавших престол на Николу, гостилловцы сохранили свой первоначальный престольный праздник – Рождество Богородицы.

Впервые в дошедших до нас источниках сельцо Гостилово упоминается в Коломенской писцовой книге 1577-78 гг., когда селение было поделено на две половины. Первая половина (южная) числилась поместьем Владимира Васильевича Кустерского⁴, а вторая – (северная) входила в состав вотчины московского Иоанно-Златоустовского монастыря⁵. Также монастырю принадлежало село Новлянское на берегу Москвы-реки, деревня Чемодурово и расположенные рядом с ней две пустоши на местах заброшенных, запустевших деревень – Лукина и Семёновская.

В следующей писцовой книге – 1626-29 гг. владельцами сельца Гостилова показан сын предыдущего помещика – Пров Владимирович Кустерский и всё тот же Иоанно-Златоустовский монастырь. Всего в Гостилове на момент переписи оказалось 18 дворов: 11 дворов крестьян и бобылей на монастырской половине; двор помещика, двор задворного человека и 5 дворов крестьян и бобылей – на помещицкой половине⁶. Среди крепостных крестьян Прова Кустерского мы встречаем на страницах писцовой книги гостилловского крестьянина Ивашку Яковлева. Он стоит самым первым и не исключено, что в 1620-е годы Иван Яковлевич был старостой помещицкой половины сельца Гостилова. Отца Ивана звали Яков, он жил во второй половине XVI века.

В материалах следующей переписи 1646-47 гг., среди гостилловских крестьян помещика Прова Кустерского (совладельцами указаны его сыновья Осип и Аким) упоминается уже Иевка Яковлев, которого мы без особых сомнений можем считать младшим братом умершего Ивашки Яковлева⁷. Именно от Иева Яковлевича идет прямая линия вплоть до Никифора Зенина и до ныне живущих представителей рода Зениных. Потомки Иева Яковлевича носили фамилию Ильины и, следовательно, до Якова в роду у них имелся

³ Иванчин-Писарев Н.Д. Прогулка по древнему Коломенскому уезду. М., 1843. С. 41.

⁴ Писцовые книги Московского государства. Часть 1. Писцовые книги XVI в. Том 1. СПб., 1872. С. 391.

⁵ Там же. С. 391.

⁶ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн. 203. Л. 181-182, 621-622.

⁷ РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Кн. 205. Л. 81-81об.

предок по имени Илья. Был ли Илья отцом или дедом Якова, а может даже и прадедом – нам неизвестно. Иев Яковлевич имел трех сыновей – Артемия, Полуекта и Григория. Все трое жили на отцовском дворе и упоминаются в переписной книге Коломенского уезда 1677-78 гг. как крепостные помещика Григория Осиповича Кустерского⁸. Из них возраст указан только у младшего – Гришка Иевлев, 15 лет. Возраст остальных мы узнаем из последующих переписей. На тот момент семья была незажиточной и хозяин двора Артюшка Иевлев (старший брат) числился бобылём, то есть по маломощности обрабатывал только половину от стандартного крестьянского надела. Соответственно и налоговое бремя бобыля уменьшалось в два раза. Все три брата Иевлевичи были женаты и оставили потомство, но нас в данном случае интересует потомство среднего брата – Полуекта Иевлева сын Ильина, ибо прямым предком Никифора Зенина был именно он. Уже в переписи 1677-78 гг. сказано, что у Полуйки Иевлева имелся сын Потапка одного году от роду. По данным ландратской переписной книги 1715 года Коломенского уезда (это была очередная людская перепись, проведенная под руководством коломенского ландрата князя Андрея Мещёрского) Полуекта уже нет в живых, но упоминаются два его сына (родившиеся после 1677-78 гг.) – Зиновей Полуектов сын Ильин 40 лет и Иван Полуектов сын Ильин 30 лет⁹. Старшего же их брата, Потапа, на момент переписи 1715 года уже нет в живых. Все три также сочетались браком и имели потомство.

Нас интересует второй сын – Зиновей (Зиновий) Полуектович Ильин. По уменьшительному от имени Зиновей – Зеня и пошла впоследствии фамилия Зенины. Зиновей родился около 1677-78 гг., в переписной книге указанного года его нет, он еще не родился. В 1715 году его возраст указан приблизительно – 40 лет, а в момент переписи 1726 года ему 48 лет, то есть год рождения 1678-й. Зиновей Ильин в положенное время женился на Марине, дочери гостиловского же крестьянина Липата Григорьева (Липатка Григорьев, упомянут в переписи 1677-78 гг.). После смерти отца Полуекта (к 1715 году его уже нет в живых), как можно судить, отцовский дом достался младшему брату Ивану (в 1726-м ему 38 лет) а среднему брату Зиновею пришлось пойти жить к родственникам. В 1715 году Зеня Ильин с семьей жил на дворе своего дяди Григория (дядя по отцу), а на момент переписи 1726 года его приютил другой дядя (двоюродный дядя по матери?) Илья Акинфеев сын Содовников, 57 лет¹⁰. Опять же, как в сказке, у Зиновея и Марины родилось три сына – Иван, Панкрат и Спиридон и снова прямым предком Никифора стал средний сын – Панкрат Зиновьев сын Ильин. Панкрат родился в 1690-х – 1700-х годах. В 1715 году его возраст указан в 5 лет, в 1726-м – 30 (!), а в исповедной ведомости 1754 года Панкрату Зиновьеву 60 лет (!). Точной даты рождения за неимением метрической записи мы установить не можем.

В отличие от отца, Панкрат сумел стать самостоятельным человеком и хозяином собственного двора. По данным исповедной ведомости Иоанно-Златоустовской церкви села Новлянского Коломенского уезда 1754 года, в числе прихожан, говевших, исповедавшихся и принявших причастие в Великий пост указан крепостной крестьянин сельца Гостилова помещика Акима Ивановича Кустерского Панкрат, Зиновьев сын, 60 лет, хозяин двора, на котором обитали его жена Евдокия, Архипова дочь, 50 лет, их дети Прокофей (17 лет), Тимофей (13), Иван (9), а вдобавок ещё сноха Панкрата – вдова его умершего брата, Ефимия, Галактионова дочь (49). Также Панкрат «выделил» своего старшего сына Антона (29 лет в 1754 году) и построил для него дом. Вместе с Антоном Панкратовым жили его супруга Агафья Павлова дочь (25 лет), его сын Петр (7) и еще один сын Панкрата Михайло (ему в 1754 году 25

⁸ РГАДА. Ф.1209. Оп.2. Кн. 9275. Л. 965.

⁹ РГАДА. Ф. 350. Оп. 1. Кн. 197. Л. 231-231об.

¹⁰ РГАДА Ф. 350. Оп. 2. Кн. 2610. Ч.1. Л. 426-427об.

лет) со своей молодой женой Агафьей Федоровой (21 год). Таким образом, домочадцы Панкрата обитали сразу в двух домах и в совокупности составляли 13 душ мужского и женского пола¹¹.

Исповедная ведомость 1754 года позволяет высказать некоторые соображения о старообрядчестве предков Никифора Зенина в середине XVIII столетия. Дело в том, что сёла и деревни нашей местности, известные во второй половине XIX века как сплошь старообрядческие или населенные преимущественно старообрядцами (это Кладьково, Климово, Лунёво, Муравлёво, Хорлово, Ёлкино) в исповедке 1754 года предстают перед нами совершенно в ином виде. В таких будущих бастионах старой веры, как Климово и Лунёво «записных раскольников» считанные единичные семьи. В других селениях «записных» нет вообще. Основная же масса жителей указанных сёл и деревень числится церковными (новообрядцами) и мы можем только подозревать их в мимикрии, судя по подозрительно большому количеству семей, не бывших на исповеди и не принявших причастие «по нерадению». Отсюда можно предположить, что значительная часть кладьковских, климовских и хорловских «раскольников», не имея возможности платить двойной оклад (царское правительство облагало «записных раскольников» двойными налогами) и страха ради притворно причисляла себя к новообрядцам, в тайне оставаясь старообрядцами. Такие люди обычно посещали церковь дважды – при крещении и венчании, в остальных случаях уклонялись от участия в религиозных церемониях господствующей церкви, попутно задаривая приходских священников, дабы те закрывали глаза на существующее положение дел.

Но в Гостилове мы видим несколько иную картину. Записных раскольников здесь в 1754 году нет ни одного человека¹². Подавляющее число гостиловцев на исповеди были и причастие приняли. В их числе и семейство Панкрата Зиновьева целиком. Мы можем предполагать, что в старообрядцы предки Никифора Зенина «записались» уже после 1754 года. Вообще, Гостилово никогда не было сплошь старообрядческой деревней. В разное время староверы составляли большинство или меньшинство населения деревни. Вопрос о том, когда же именно предки Никифора стали открытыми приверженцами старой веры требует дополнительного исследования. Если кто захочет провести такое исследование, ему, в первую очередь, следует просмотреть в архиве ЦИАМ в Москве все сохранившиеся исповедные ведомости церкви села Новлянского и установить, когда потомки Зеновоя Полуектова, известные позднее под фамилией Зенины, перестают ходить для исповеди и причастия в церковь господствующего вероисповедания в село Новлянское и когда именно их официально записывают в «раскольники».

Раз мы уже сделали одно отступление от основной темы, сделаем еще второе и коротко расскажем о дворянском семействе Кустерских, представители которого владели предками Никифора на протяжении двух с лишним столетий – с конца XVI века и вплоть до 1820-х годов. Фамилия Кустерских владельческая, она, как можно полагать, происходит от названия старинного деревни Кустерь в окрестностях города Ростов Великий нынешней Ярославской области. Рядом с деревней Кустерь расположено село Зверинец, где, по преданию, ростовские князья держали на потеху себе диких зверей. По такому близкому соседству можно предполагать, что предки Кустерских служили еще ростовским удельным князьям и владели деревней Кустерь в эпоху независимости Ростовского удельного княжества. Позднее, после присоединения Ростова к Москве, им пришлось перейти на службу к московским государям. Род Кустерских – незнатный и незначительный дворянский род, представители которого со времен царя Ивана Грозного

¹¹ ЦИАМ. Ф. 203. Оп. 747. Д. 211. Л. 132-132об.

¹² Там же. Л. 131-133

обосновались в Коломенском уезде. В писцовой книге 1577-78 гг. мы находим сразу трех помещиков указанного рода – владельца сельца Кривякино (ныне в черте города Воскресенска) Романа Степановича Кустерского, его сына Леонтия (он получил в год переписи поместье в деревне Перебатино) и уже упоминавшегося нами Владимира Васильевича Кустерского, который владел поместьем в южной половине сельца Гостилова¹³. В дальнейшем линия от Романа Степановича пресеклась, и потому, в XVII веке, главной стала линия потомков Владимира Васильевича – Пров Владимирович, его сыновья Осип и Аким, внуки и правнуки. Они сохранили за собой южную половину сельца Гостилова и вдобавок стали помещиками в северной половине сельца Кривякино. Второй половиной Кривякина пополам владели помещики Огалины и представители еще одной линии Кустерских – Воин Казаринов сын Кустерский (молитвенное имя Константин), сын Сергей и внук Григорий. Также во владении этой линии в указанное время находилась 1/6 часть деревни Верзилово (к западу от Гостилова). К началу XVIII века Кустерские, потомки Прова Владимировича, потеряли Кривякино, зато приобрели несколько небольших владений в Луховском и Рязанском уездах. По службе они стояли невысоко, в отставку обычно выходили в чинах уровня прапорщик – капитан. Прадедовское поместье в Гостилове, точнее сказать его часть, Кустерские сохранили вплоть до 1834 года. Одним из последних здешних владельцев был отставной майор Степан Акимович Кустерский. После выхода в отставку с военной службы Степан Акимович служил бронницким уездным судьей и на момент нашествия 1812 года исполнял обязанности бронницкого уездного предводителя дворянства¹⁴. Он имел награду – орден Владимира 4-й степени. К 1821 году С.А Кустерский умер, и владелицей его гостиловского имения стала А.И. Кустерская с малолетними детьми.

А в 1834-м Бронницкий уездный суд ввёл во владение имением нового человека – Павла Дорофеевича Максимова¹⁵. Максимов, скажем, забегаю вперед, на вопросы смотрел «ширьше» и в 1836 году отпустил на волю (за хорошие деньги?) 8 гостиловских крестьян, ближайших родичей отца Никифора Зенина Дмитрия Ивановича, в том числе его старшего брата Василия Ивановича.

Возвращаемся к основной теме нашего рассказа. По данным 11-й ревизии 1811 года предки Никифора числятся крепостными крестьянами помещика Степана Акимовича Кустерского¹⁶. Панкрат Зиновьевич, естественно, к той поре уже умер и в ревизской сказке перечислены его сыновья и внуки. Третьему сыну Панкрата – Прокофию Панкратову на момент ревизии было 70 лет (год рождения 1741-й), но в 1754 году ему показано 17 лет (год рождения 1737-й). Прокофьев сын Тарас (в 1795-м ему было 35 лет, в 1800 г. умер) стал отцом пятерых детей – Трофима, Даниила, Максима, Ивана и Герасима. Из них Даниил и Герасим умерли в детстве, а Трофим (1781 года рождения), Максим (1789-го) и Иван (1790-го года рождения) выросли и сами стали отцами. У Трофима родились Михайло (1800) и Маркел (1803), а у Максима – Емельян (1809 года). Также в одном доме с ними жил племянник Прокофия – Иван 24 лет (1777 года), сын его брата Тимофея¹⁷.

Еще один сын Панкрата Зиновьева – Иван Панкратьев (в 1795 году ему было 50 лет), скончавшийся в 1802 году, оставил трех сыновей – Петра (1773

¹³ Писцовые книги Московского государства. Часть 1. Писцовые книги XVI в. Том 1. СПб., 1872. С. 582, 584, 391.

¹⁴ Список лиц, служивших по выборам дворянства Московской губернии. 1785 – 1885. М., 1885. С. 20.

¹⁵ П.Д. Максимов был женат на Варваре Михайловне Кустерской. Степану Акимовичу Кустерскому она приходилась племянницей.

¹⁶ ЦИАМ. Ф.51. Оп. 8. Д.5. Л. 642об.

¹⁷ Там же.

г.р.), Василия (1776) и Ипата (1780). Все три брата жили вместе. У двух старших на момент ревизии 1811 года имелись подростки сыновья.

Далее в ревизской сказке описывается семейство Максима Иванова (сам он уже умер). В каких именно родственных связях Максимовы находились с предками Никифора Зенина пока не установлено. В начале XIX века совершили криминальные деяния (мы не знаем, какие именно) и в 1806 году были сосланы на каторгу сразу двое: младший брат Максима – 41-летний Михайло Иванов вместе с племянником 20-летним Иваном Максимовым. Еще один отпрыск Максима – 23-летний Акинфий Максимов отделался чуть легче – его сдали в солдаты в том же 1806 году¹⁸.

Очень ценные сведения о предках Н.Д. Зенина мы находим в 7-й ревизии 1816 года, в этой ревизии указаны помимо мужчин, также и женщины. В числе крепостных майора и кавалера Степана Акимова сына Кустерского в сельце Гостилово перечислены домочадцы Прокофия Панкратьева (сам он по небрежности писаря превращен Тимофея, но годы указаны в соответствии с годами Прокофия в ревизии 1811 года). Прокофий Панкратьев, внук Зиновья Полуектова и прапрадед Никифора Зенина прожил долгую и наполненную событиями жизнь. На склоне лет он успел увидеть нашествие на Россию наполеоновских войск. В сентябре 1812 года небольшой кавалерийский отряд неприятеля в поисках исчезнувшей русской армии проехал невдалеке от Гостилова, по Коломенской дороге (нынешняя Рязанка) от Бронниц до Коломны, небольшие партии мародеров рыскали по сёлам и деревням. Колокольня Ильинской церкви соседнего села Петровского стала наблюдательным пунктом. Местные мужики с семьями спасались в лесах (так, например, убежищем гостиловцев стал Скрипинский лес), а при удобном случае сами, с вилами и топорами нападали на грабителей. Прокофий Панкратьев умер в 1814 году, на второй год после изгнания французов. В тот год войска союзников и русская армия в их числе взяли Париж.

По данным ревизии 1816 года у Тимофея (на самом деле Прокофия) Панкратова было три взрослых внука – Трофим (34 лет), Максим (26) и младший Иван Тарасов (25 лет). Из них нам интересен Иван Тарасов, родной дед Никифора Дмитриевича Зенина. Иван Тарасов родился, судя по данным ревизий, в 1790 году. Женат он был дважды. Его первую жену звали Фёкла Егорова (1788 года рождения), она родила двух дочерей – Агафью (2 года в 1816 г.) и Федосью (1). Позднее Фёкла ушла из жизни, и Иван Тарасов женился во второй раз. Его вторую супругу звали Мария Иванова.

В 1825 году, 30 января, в семье Ивана Тарасовича и Марии Ивановны родился сын Дмитрий, отец Никифора Дмитриевича Зенина. Дмитрий Иванович уже официально носил фамилию Зенин. Возможно, эта фамилия существовала и раньше, как уличная. Еще у Дмитрия имелся старший брат Василий. Год рождения Василия, судя по ревизской сказке – 1817 год.

В 1836 году происходит знаменательное событие. Сразу 8 мужчин из рода потомков Зиновья Полуектова освобождаются от крепостной зависимости и становятся вольными людьми. В указанном году помещик Павел Дорофеевич Максимов отпускает на волю Трофима Тарасова (54 года), его сына Маркела (32), трех внуков от Маркела – Ивана (10), Фёдора (9), Андрея (5), еще одного сына Семёна (18) и двух племянников – Емельяна Максимова (26) и Василия Иванова (19 лет). Дело, похоже, обстояло таким образом. Маркел Трофимов заработал достаточное количество денежных средств и выкупил из крепостной неволи себя, своего отца, трех своих сыновей, родного младшего брата и двух двоюродных. Заплатить пришлось несколько тысяч рублей, как минимум. Своего старшего брата Маркел выкупать не стал (не захотел? не хватило денег?) и судьба Михайлы Трофимова сложилась несчастливо – в 1847 году его старшего сына Никифора сдали в рекруты и всего лишь год

¹⁸ Там же. Л. 643.

спустя, не выдержавший этой невзгоды Михаил уходит из жизни, будучи 47 лет от роду. Как протекала солдатская служба Никифора Михайлова нам ничего неизвестно, а ведь вполне возможно, что свое имя Никифор Дмитриевич Зенин получил как раз в его честь, ведь до этого имя Никифор в их роду не употреблялось.

Но мы продолжим рассказ о Дмитрие Ивановиче. Когда его старший брат получил свободу, Дмитрию исполнилось 11 лет. Ему очень рано пришлось начать трудовую жизнь, так как уже к 1834 году его отца Ивана Тарасовича не было в живых. Мальчика вырастила и воспитала мать – Мария Ивановна, которой Бог послал долголетие. Вполне возможно, что Дмитрий Зенин начинал трудиться на своих более богатых и уже свободных родичей. Какой вид деятельности избрали для себя освободившиеся двоюродный брат Маркел и его домочадцы, нам неизвестно. Может быть, они занимались торговлей или мелким производством. Одно можно сказать – это были люди небедные.

По семейным преданиям Дмитрий Зенин в молодости жил и работал какое-то время в Москве и именно там женился на москвичке Агафье Гавриловне (1830 года рождения), но позднее вернулся с молодой женой в Гостилово. Как рассказывали позднее потомки, Агафья Гавриловна и в деревне с ностальгией вспоминала столичную жизнь, а Дмитрий Иванович легонько подтрунивал над ней, говоря, что она никак не может забыть горячих московских булок.

По данным ревизии 1850 года Дмитрий Иванович, 25 лет, с женой Агафьей Гавриловной и двумя маленькими сыновьями – Иваном, 1 года и Ксенофонтом, 3 месяцев, проживал на дворе своего дяди Максима Тарасова (60 лет). Старший сын дяди – Емельян Максимов в 1836 году получил вольную, а младший – Никита (36 лет) остался с отцом. Также в доме Максима Тарасова жили его жена Марфа Ананьева (62 года), сноха Наталья Константинова (36) и внуки от Никиты – Анна (7) и Архип (4). Итого 9 душ. Все они числились крепостными крестьянами помещика надворного советника П.Д. Максимова¹⁹. Как видим, утверждение потомков о том, что «Зенины никогда не были крепостными» верно лишь отчасти. В течение нескольких столетий все они находились в крепостной зависимости от помещиков Кустерских и под конец – от Максимова. Но в 1836 году, за 25 лет до отмены крепостного права, 8 человек из их рода получили свободу. Так что семейное предание по-своему правдиво, единственное из него нужно убрать слово «никогда». Вполне возможно, что и сам Дмитрий Иванович выкупился на волю за несколько лет до 1861 года и на момент объявления знаменитого Манифеста он и его домочадцы действительно уже «не были крепостными». Это тем более вероятно, что деньги у Дмитрия Ивановича водились. Об этом мы говорить со всей определенностью.

Вскоре после проведения ревизии 1850 года Дмитрий Зенин решил заняться предпринимательством. В своей родной деревне он открыл небольшую ткацкую фабрику. Благодаря неустанным трудам Дмитрия Ивановича (а он был «великий труженик»), дело пошло хорошо. Фабрика Д.И. Зенина в Гостилове, по данным «Атласа мануфактурной промышленности Московской губернии» (1872, опубликованы данные 1871 года) насчитывала 60 ткацких станков, на которых работало 41 мужчина и 20 женщин, ткали в год 1500 кусков нанки (хлопчатобумажная ткань) на сумму 7500 рублей. Годом основания фабрики ее владелец указал 1853 год. Машин, снарядов и прочих принадлежностей не использовалось²⁰. Крупных фабричных зданий нынешние старожилы в Гостилове не помнят. В целом, «фабрика» Д.И. Зенина представляется нам совокупностью раздаточной конторы и множества

¹⁹ ЦИАМ. Ф.51. Оп.8. Д. 407. Л. 320об, 321.

²⁰ Матиссен Н. Атлас мануфактурной промышленности Московской губ., М., 1872. С.47.

односельчан-надомников, которые у себя дома из полученной в конторе основы ткали нанку и сдавали ее фабриканту. Ткачеством, разумеется, занимались и домочадцы самого Дмитрия Ивановича. Одновременно в Гостилове работали еще две нанковые ткацкие фабрики, которые также принадлежали здешним крестьянам – Дмитрию и Федулу Титовым, 40 и 60 станом соответственно²¹.

Как и положено в патриархальных семьях, чета Дмитрия Ивановича и Агафии Гавриловны была многодетной. Всего у них родилось пять сыновей – Иван, Ксенофонт, Кондратий, Варнава, Никифор (самый младший ребенок) и одна дочь – Аксинья.

Уже в подворной переписи 1869-71 гг. двор крестьянина Дмитрия Иванова (здесь фамилии у крестьян не проставлены) является одним из самых зажиточных дворов в Гостилове – два деревянных дома, 2 лошади, 3 коровы, 5 голов мелкого скота. Домочадцы, помимо земледелия, «занятие имеют бумажной и ткацкой работой». Всего на дворе проживало 12 душ – мать хозяина Мария Ивановна 79 лет, сам хозяин, фабрикант Дмитрий Иванович (45 лет), его жена Агафья Гавриловна (41), их дети Иван (21), Ксенофонт (20), Кондратий (10), Варнава (8), Аксинья (3), а также двоюродный брат хозяина – Никита Максимов (68 лет), сыновья Никиты – Архип (21) и Карп (15). У Архипа имелась жена Анна Петрова (29) и дочь Акулина (2)²².

К моменту проведения следующей подворной переписи (1883 год) Дмитрий Иванович стал уже самым зажиточным дворохозяином в деревне Гостилове – у него две избы, 4 лошади, 2 коровы, 15 голов мелкого скота, больше всех односельчан Д.И. Зенин арендовал покосов – на 65 рублей в год. Крестьянский надел – на 6 ревизских душ обрабатывали сами. Из домочадцев – 6 душ мужского пола и 5 – женского, грамотными были соответственно 6 и 3. В сумме 9 из 11²³. Это достаточно высокий показатель для того времени. В той же подворной переписи 1883 года встречаются деревни, где отмечено всего лишь несколько грамотных мужчин, а женщины неграмотны поголовно. По воспоминаниям потомков дом Дмитрия Ивановича был деревянный и крыт железом, имелся сад с яблоневыми деревьями, яблоки продавали. В рассказах гостиловских стариков Зенины (имеется в виду семейство Дмитрия Ивановича) именуется «купцы».

Вышеприведенные сведения показывают нам, что Никифор Дмитриевич Зенин родился в большой и благополучной патриархальной семье, которая была полностью обеспечена на момент его рождения (Никифор родился в 1869-м, а в 1871 г. его отец имел 60 надомников и они ткали нанки на 7500 рублей в год, даже если вся прибыль Дмитрия Ивановича составляла 1500 рублей в год, это довольно большие деньги). Отсюда понятно, что Никифор рос в спокойной благоприятной обстановке, мог читать книги, развиваться. Ему не надо было с малых лет работать как взрослому, зарабатывая кусок хлеба. Если бы Никифор родился в малоимущей семье, его судьба могла сложиться совершенно иначе. Знаменитый русский учёный Михайло Ломоносов также родился в богатой крестьянской семье, отец его имел корабли, ходил на промысел морского зверя и рыбы далеко в море. Сам Никифор позднее вспоминал: «Воспитанный в деревне на лоне чистой, святой, не загрязненной смрадным дыханием современной «культуры» – природы, матерью, истой христианкою, я не знал действительной жизни в ее настоящем виде». Впервые с изнанкой жизни Никифору Зенину пришлось столкнуться в Егорьевске. Даже армейская служба, где он служил в штабе 6-й пехотной дивизии, оказалась вполне благополучной для начитанного, добросовестного и исполнительного юноши. 6-я пехотная дивизия стояла в

²¹ Там же. С. 48.

²² ЦИАМ. Ф.184. Оп. 10. Д. 2164. Л. 27

²³ ЦИАМ. Ф.194. Оп. 10. Д. 2297. Л. 3об.

Польше на границе с Германией, в районе города Остроленка. К концу службы Никифор Зенин носил чин фельдфебеля и замещал «зауряд-классную должность», иными словами исполнял обязанности чиновника или офицера 14-го или более высокого класса²⁴.

В 1880-е годы семья Дмитрия Зенина уже могла себе позволить открыто придерживаться старой веры. В исповедной ведомости приходской церкви села Новлянского 1886 года все семейство «крестьянина Дмитрия Иванова» официально указано в числе «раскольников». В этой ведомости мы впервые встречаем Никифора, ему 17 лет. Семейство Дмитрия Иванова (фамилии крестьян в ведомости не указаны) насчитывало к 1886 году 13 человек: он сам – крестьянин «Дмитрий Иванов 62 (здесь и далее, лет – А.Ф.), ж(ена) Агафия Гаврилова 58, дети Кондратий 27, Варнава 24, Никифор 17, Ксения 20, Конд(ратова) ж(ена) Анна Борисова 27, (их) дети Александра 6, Агриппина 4, с(ы)н(а) вд(ова) Анисия Евдокимова 35 (имеется в виду жена умершего в 1881 году Ивана Дмитриевича – А.Ф.), (её) дети Назар 16, Фирс 15, Варн(авы) жена Елена Матвеева 19».

Далее в исповедной ведомости перечислены домочадцы Архипа Никитина (двоюродного племянника Дмитрия Ивановича). Количество старообрядцев в Гостилове по данным 1886 года невелико и составляет всего 15 семей. Моленная (неокружническая) находилась в доме Генераловых. По семейным преданиям Генераловых, их предок выполнял роль духовного наставника в здешней старообрядческой общине. Он был «духовного звания» и пользовался большим авторитетом у односельчан. Однажды, на какой-то праздник, подпившие гостиловцы уже почти было схлестнулись в жестокой драке за покосы с чаплыгинцами, но здесь, оказавшееся в деревне начальство, обратилось к предку Генераловых с просьбой «навести порядок». Предок встал между двумя ватагами и своими увещеваниями прекратил побоище, помирил людей. Начальник, очень довольный, сравнил миротворца с генералом, которого все беспрекословно слушаются, и предложил записать его с новой фамилией – Генералов, «а раньше была у него другая фамилия». Речь в этом рассказе, похоже, идет о Леонтии Петровиче Генералове (1851 – 1931), памятник которого до сих пор сохраняется на гостиловском кладбище. Леонтий, по рассказам старожилов, действительно вел службу в моленной, крестил детей.

У гостиловских старообрядцев имелось свое небольшое заветное кладбище, располагавшееся к северо-западу от деревни. Это кладбище существует и поныне, хотя официально как место захоронения оно не оформлено. Здесь под каменными добротными надгробиями погребены родители Никифора Зенина, его старшие братья, другие родичи. Неподалеку от погоста фединские и гостиловские старожилы указывают урочище Церквище.

²⁴ О своей армейской службе Н.Д. Зенин, спустя 20 с лишним лет, писал: «Я помню случай из собственной жизни, когда я служил в штабе шестой пехотной дивизии, и по своим заслугам должен был быть произведен в унтер-офицерское звание, то это звание я получил с большой борьбой, ибо тогда существовал циркуляр главного штаба 1892 г., воспрещавший принадлежавших к некоторым группам старообрядцев производить в унтер-офицеры. Но когда я пробил эту брешь, то я был удостоен к фельдфебельской нашивке, то есть стал старшим из нижних чинов в штабе дивизии, и настолько удачно вел дела штаба, управляя командою нижних чинов, что удостоился права на занятие зауряд классной должности и высшей похвалы за службу, при уходе в запас мне публично было высказано: что если бы в русской армии были все такие служаки, то русская армия была бы на недосыгаемой высоте. И наблюдая, я уверен, что это не были пустые слова лести. Старообрядец обычно глубоко сознательно относится к долгу службы, честен, исполнительен и аккуратен. И все-таки пожалуйста: даже в унтер-офицеры нельзя было произвести!» Гостиловский. Козьмы Крючковы и евреи – герои войны. // Старообрядческая мысль. 1915. № 2. С.132. Примечание: Гостиловский – псевдоним Н.Д. Зенина.

Церковище (место когда-то бывшей и исчезнувшей церкви) – небольшая возвышенность между Гостилово и парком бывшей барской усадьбы в Федино. Оттуда, с Церковища, по уверениям старожилов, «всё Гостилово видно». В связи с этим можно сказать следующее. Никаких письменных свидетельств, что в Гостилове когда-то существовала церковь, не имеется. Между тем, церковь, очевидно, здесь всё же была. Возникает предположение: «А не старообрядческая ли эта церковь?» Старообрядческая церковь в Гостилове в годы жестоких гонений на раскольников могла быть построена тайно и в составляемых документах о ней не писали.

К 1890-м годам Дмитрий Иванович свернул деятельность своей фабрики и сосредоточился в основном на торговле. По данным справочника «Вся Россия»²⁵ за 1895 г. Дмитрий Иванов сын Зенин держал в Гостилове «торгово-промышленное заведение», занимался мануфактурой (тканями). Два его сына – Иван и Ксенофонт умерли рано, в 1881 году (в тот год в Гостилово и в соседней деревне Федино случилась эпидемия на крупный рогатый скот, пало больше сотни голов, видимо одновременно, от какой-то инфекционной болезни умирали и люди). У Ивана остались два сына – Назар и Фирс. Их воспитали вдова Анисья Евдокимовна и дед Дмитрий Иванович. По семейным преданиям Фирс и Назар переселились жить в посёлок при станции Воскресенск. Они торговали скобяными изделиями, бакалейными товарами, арендовали лавку. Сам Никифор Дмитриевич Зенин, после окончания армейской службы, попытался тоже обосноваться в Воскресенске, открыл здесь свою фотомастерскую. Но, видимо, клиентов в пристанционном поселке оказалось маловато, и вскоре «судьба забросила» Никифора Дмитриевича в Егорьевск, где он жил и трудился до конца своей жизни.

В дальнейшем представители семейства Зениных, оставаясь официально крестьянами, потихоньку начали прорастать в вышестоящие сословия Российской империи. О судьбе самого Никифора уже написано довольно много. Один из его братьев – Кондратий Дмитриевич Зенин в конце XIX века исполнял должность волостного старшины Чаплыженской волости. Кондратий Дмитриевич трагически погиб (был убит) в 1903 году, 16 июня, во время преследования грабителей, которые ограбили его дом в Гостилове. Старшая из дочерей Кондратия – Александра стала высококвалифицированной медсестрой, её муж, Василий Петрович был инженером-физиком и изобретателем. Вместе они построили около 10 домов в Малаховке, в одной жили сами, а остальные сдавали дачникам-москвичам. Племянник Никифора, Алексей Зенин, сын его брата Варнавы, студент Петроградского политехникума, во время Первой Мировой войны воевал от начала до конца (до февраля 1917 г.) в чине прапорщика, то есть был офицером²⁶.

В 1909 году, будучи 84 лет от роду, Дмитрий Иванович Зенин уходит из жизни. Его похоронили на гостиловском старообрядческом кладбище, рядом с женой (она умерла двумя годами ранее) и тремя сыновьями (Иван, Ксенофонт и Кондратий). На могиле отца Никифор Дмитриевич Зенин поставил красивый памятник темного гранита с трогательной надписью: «Дмитрий Иванович Зенин. 30 I 1825 г. – 18 XI 1909 г. Мир твоему праху, великий труженик. Тебе, пред величием духа которого, всегда преклонялся, этим памятником я заканчиваю мой последний долг. Теперь очередь за мной. Твой сын Никифор. Егорьевск. 11 октября 1915 г.». На памятнике матери мы читаем: «Под сим камнем покоится прах рабы Божией Агафии Гаврильевны Зениной, скончав. 20 апреля 1907 г., 77 л. от рождения. Святое крещение ея было 30 января 1830 г.,

²⁵ Вся Россия. Русская книга промышленности, торговли, сельского хозяйства и администрации. Торгово-промышленный адрес-календарь. Т.1. СПб. 1895. Столбец 783.

²⁶ Алексей Варнавьевич Зенин. // Старообрядческая мысль. 1915 г. №№ 5 и 6. С. 549.

день ангела 5 февраля. Мир праху твоему и блаженный покой много страдавшей и горячо любившей душе твоей. Сын твой последний Никифор. Июнь 1908 г.». Не менее трогательные эпитафии высечены и на других памятниках. Надгробия на зенинских захоронениях в настоящее время «всем миром» Зениных приведены в порядок, частично отреставрированы, восстановлены надписи, поставлена ограда.

По данным Избирательных списков по выборам в уездное земство от 1 ноября 1917 года в Гостилове, в числе избирателей зафиксированы: Зенин Иван Леонтьевич 50 лет, Зенина Клавдия Кондратьевна 21 года, Зенина Анна Борисовна 58, Зенина Аграфена (Агриппина) Кондратьевна 28, Зенина Александра Кондратьевна 30, Зенина Анна Ивановна 65, Зенина Анна Петровна 80, Зенина Александра Архиповна 45, Зенина Евдокия Григорьевна 45 лет. Из них в выборах приняла участие только Анна Ивановна²⁷.

Потомки Дмитрия Ивановича Зенина жили в Гостилове вплоть до коллективизации. Во время создания колхоза, в 1929 году, они, спасаясь от раскулачивания, бросили родной дом, имущество и убежали в Малаховку, к Александре Кондратьевне. Сестра «Аля» приняла беглецов. Советская власть отобрала у нее все малаховские дачи, кроме одной, да и ту «уплотнили». Дом Дмитрия Ивановича Зенина в Гостилове к настоящему времени не сохранился. Он стоял прямо на берегу речки Крупинки (Нижнего пруда), в северо-восточной части деревни. После бегства Зениных в нём разместились правление колхоза и изба-читальня.

В настоящее время (начало 2015 года) в Гостилово, в разных уголках Воскресенска и других населенных пунктах проживают несколько десятков человек из рода Зениных, добрая половина которых – потомки Дмитрия Ивановича, близкие родственники Никифора Дмитриевича.

Архивные источники, использованные при составлении родословия Никифора Зенина.

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), город Москва.

Писцовая и межевая книга Коломенского уезда письма и межевания Семена Усова и подьячего Герасима Максимова 7135-7136 (1626-1629 гг.). Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 1. Кн. 202-204.

Переписная книга Коломенского уезда переписи Федора Неелова и подьячего Григория Богданова 7154 и 7155 (1646-1647) года. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп.1. Кн. 205-206.

Переписная Коломенская книга Максима Исаевича Сунбулова и подьячего Максима Устинова. 1677-78 гг. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп.1. Кн. 9275.

Книга переписная города Коломны и Коломенского уезда 1715 года ландрата князя Андрея Мещерского. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп.1. Кн. 195.

Книга переписная Коломенского уезда 1726 года. Ф.350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. Кн. 2610. Часть 1.

2. Центральный исторический архив города Москвы (ЦИАМ).

Исповедальные ведомости церквей Коломенского у., 1754 г. Ф. 203. Оп. 747. Кн. 211.

²⁷ ЦИАМ. Ф. 2336. Оп. 2. Д. 95. Л. 1об-2.

Ревизские сказки 1811 г. крестьян Бронницкого уезда, принадлежащих помещикам с фамилиями, начинающимися на буквы «А» – «М». Ф. 51. Оп. 8. Д. 5.

Ревизские сказки 1816 г. крестьян Бронницкого уезда, принадлежащих помещикам с фамилиями, начинающимися на буквы «Д» – «Н». Ф. 51. Оп. 8. Д. 65-а.

Ревизские сказки 1850 г. крестьян Бронницкого уезда, принадлежащих помещикам с фамилиями, начинающимися на буквы «Л» – «Ф». Ф. 51. Оп.8. Д. 407.

Подворная перепись селений Чаплыженской волости Бронницкого уезда 1869-71 гг. Ф.184. Оп. 10. Д. 2164.

Подворная перепись Чаплыженской волости Бронницкого уезда 1883 г. Ф. 184. Оп. 10. Д. 2297.

Списки избирателей по выборам в уездное земство 1917 года. Деревня Гостилово-Сомово. Ф. 2336. Оп. 2. Д. 95.

3. Из архива краеведа А.А. Сулова (г. Воскресенск)

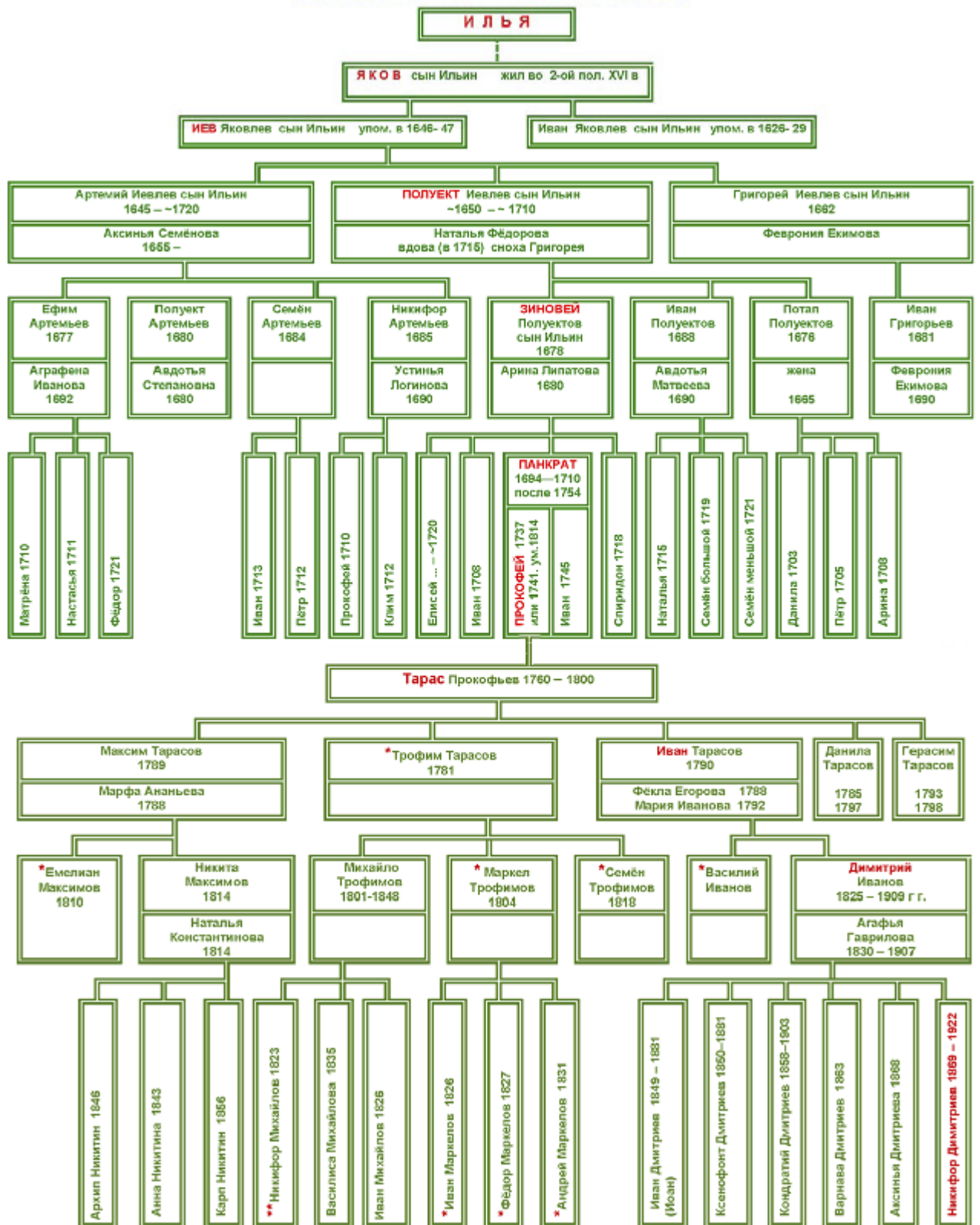
Исповедные ведомости Иоанно-Златоустовской церкви села Новлянского Бронницкого уезда. 1886 г.

А.Н. Фролов

Приложение

ЗЕНИНЫ ИЗ ГОСТИЛОВА

* — отпущены на волю в 1836г. ** — отдан в рекруты в 1847г.

